

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-124-138>

Исследовательская статья
УДК: 341
Поступила в редакцию: 31.01.2026
Принята к публикации: 03.03.2026

Елена Ивановна КАМИНСКАЯ

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел России
Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация
e.i.kaminskaya@mail.ru
ORCID 0000-0002-5856-4832

Дмитрий Викторович ТАРИКАНОВ

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел России
Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация
d.tarikanov@gmail.com
ORCID 0000-0002-2796-8674

Ирина Юльевна ШТОДИНА

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел России
Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация
llc48@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0522-5324

ВОПРОСЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА МУЗЫКАЛЬНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

ВВЕДЕНИЕ. В 1888 г. Апелляционный суд Парижа вынес решение по поводу исключительных прав на произведения великого композитора Ф. Шопена. Французский предприниматель, в пользу которого наследники уступили исключительные права на ряд произведений композитора, требовал запрета на ввоз во Францию из Германии копий данных произведений, напечатанных в Германии в нарушение этих исключительных прав. Анализ этого дела поднимает значительный круг проблем международного частного права и права интеллектуальной собственности, таких как: личный статут Ф. Шопена – подданного Российской империи, проживавшего во Франции;

множественность правовых систем в Российской империи в связи с автономией Царства Польского; право, применимое к правовой охране произведений иностранного гражданина, обнаруженных во Франции; автономия воли в сфере правовой охраны объектов интеллектуальной собственности; влияние смерти наследника автора на исчисление сроков охраны объектов интеллектуальной собственности. Часть из них представляет значительный исторический интерес, часть не утратила своей актуальности с позиций современного права.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Исследование основывается на работах французских,

дореволюционных российских, советских, современных российских и американских ученых в области права интеллектуальной собственности и международного частного права XIX–XXI вв. доктрины. В извлечении приведено само анализируемое судебное решение. В исследовании использовались общенаучный и специальные методы, в частности сравнительно-правовой и исторический.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Авторы присоединяются к критике комментируемого судебного решения, в котором французское право применено на основании автономии воли в отсутствие необходимости: применимость французского права должна была обосновываться законом страны, где было обнаружено произведение или предполагалось осуществить его обнаружение.

ОБСУЖДЕНИЯ И ВЫВОДЫ. В сфере трансграничной охраны объектов интеллектуальной собственности при решении вопроса о факте предоставления охраны необходимо по общему

правилу опираться на закон страны, где было обнаружено произведение (в комбинации с личным законом автора).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: авторское право, международное частное право, срок охраны исключительных прав, закон страны опубликования произведения, Франция, личный статут автора, ассимиляция, проприетарность авторского права, автономия воли, наследование, множественность правовых систем

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Каминская Е.И., Тариканов Д.В., Штодина И.Ю. 2026. Вопросы интеллектуальной собственности на музыкальные произведения в международном частном праве. – *Московский журнал международного права*. № 1. С. 124–138. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-124-138>

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-124-138>

Research article

UDC: 341

Received 31 January 2026

Approved 3 March 2026

Elena I. KAMINSKAYA

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
e.i.kaminskaya@mail.ru
ORCID 0000-0002-5856-4832

Dmitry V. TARIKANOV

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
d.tarikanov@gmail.com
ORCID 0000-0002-2796-8674

Irina Yu. SHTODINA

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454
llc48@mail.ru
ORCID 0000-0003-0522-5324

ISSUES OF INTELLECTUAL PROPERTY IN MUSICAL WORKS UNDER PRIVATE INTERNATIONAL LAW

INTRODUCTION: *Resolution by the Court of Appeal of Paris in 1888 of a dispute over the legacy and further publication of certain musical works created by Frederic Chopin arises new reflections on application of rules of private international law (conflict-of-law rules as well as material criteria used by courts to imply national law to foreign works). The analysis of the said decision, and mostly of the motivation proposed by judges to support the final resolution (widely contested by French legal researchers as non-accurate), allows nevertheless to turn once more to Intellectual Property basis (such as its ownership concept and duration of copyright rules) and to demonstrate the influence it makes on international private matters. An analysis of a peculiar surface of the court's motivation laid down for rendering the decision makes it possible to demonstrate a way of localization and the importance of occasional circumstances and subjective considerations applied to create an individually applied court rule.*

MATERIALS AND METHODS. *The study used a wide range of works written by French, pre-revolutionary Russian, Soviet and modern Russian, English and American researchers of Intellectual Property Law and of International Private Law of the 19th through 21st centuries. An abbreviated text of the commented decision is included as well. It applied general scientific and special scientific methods (including historical-legal and formal-legal methods).*

RESEARCH RESULTS. *The commentators join the negative opinion on the motivation choose by the Court of Appeal to support its final statement about the French copyright law rules as due to be applied in this case. Instead of autonomy of will (lex voluntatis), being obviously a non-accurate foundation, a criterion of first revelation (publication) as the most relevant.*

DISCUSSIONS AND CONCLUSIONS. *Criterion of the place of publication of work (under the following international and national legislation - along with personal criterion relating to nationality of its author) is certain to be primarily taken into consideration in the scope of transnational copyright.*

KEYWORDS: *copyright, international private law, duration of copyright, exclusive rights, statute of place of publication of the work, personal criterion of protectability, France, assimilation, property concept of copyright, lex voluntatis, legacy, inheritance, pluralism of legal systems*

FOR CITATION: Kaminskaya E.I., Tarikanov D.V., Shtodita I.Yu. Issues of Intellectual Property in Musical Works under Private International Law. – *Moscow Journal of International Law*. 2026. No. 1. P. 124–138. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2026-1-124-138>

The authors declare the absence of conflict of interest.

Апелляционный суд Парижа, 22.11.1888, Gautron ès qualités c. Breitkof et Haertel (пер. в извлечении с фр. согласно тексту в Journal de droit international (Clunet), 1890, p. 673-675).

1. В качестве французских следует рассматривать произведения, которые были обнаружены во Франции вследствие передачи прав, совершенной во Франции, в пользу французского гражданина, который выразил намерение подчинить правоотношение французскому праву. С этой точки зрения не имеет значения то обстоятельство, что автор, который к этому моменту уже умер, был иностранцем.

2. Исключительное право на произведения, обнаруженные после смерти автора, действует в течение 10 лет начиная с даты смерти того лица, которое дало разрешение на их обнаружение.

В 1882 г. г-н Жерар, в пользу которого были уступлены исключительные права на произведения Шопена, обнародованные после смерти композитора, заявил возражение против ввоза во Францию репродукций этих произведений, выполненных немецкими издателями. 30 июля 1886 г. суд первой инстанции Парижа признал это возражение необоснованным, сочтя недоказанным наличие у истца исключительных прав на произведения.

В процессе рассмотрения дела истец Жерар умер, и управляющий наследством Жерара г-н Готрон подал на решение суда апелляционную жалобу, рассмотрев которую суд написал: «Обжалуемым решением признано необоснованным возражение, заявленное Жерар и Ко., на отправку Брейткоф и Хертель отпечатанных произведений в адрес Дюрдийи и Ко. Решение обосновано тем, что заявитель не доказал наличие у него исключительных прав на произведения Шопена, обнародованные после его смерти и направленные ответчиками. – Однако из материалов дела следует, что 17.11.1854 Фонтана, представитель матери и сестер Шопена, являвшихся наследницами последнего, передал Мессонье права на произведения Шопена, опубликованные после смерти последнего. Правопреемником Мессонье является Жерар, приобретший его предприятие. Данная сделка никем не оспаривается и не усматривается никаких оснований для ее оспаривания. Предметом спора являются лишь следующие вопросы, которые подняты ответчиками: 1. Должно ли в данном споре применяться право Российской империи, которое является личным статутом Шопена; 2. Перешли ли спорные произведения в общественное достояние. – По первому вопросу: Договор о передаче прав был совершен во Франции в пользу французского гражданина, который выразил намерение подчинить правоотношение французскому праву. Произведения были опубликованы в первый раз во Франции. За границей предшествовавших публикаций не было. В этой связи, в силу воли сторон, эти произведения представляют собой продукт французской национальности. Кроме того, возможно в отношении композитора при создании данных произведений сыграло роль французское влияние. В отношении этих специфических прав первоначальные правообладательницы отказались, если это было необходимо и молчаливо, от личного статута их сына и брата. Такое толкование находится в гармонии и в пол-

ном соответствии с теми преимуществами, которые предоставлены иностранным гражданам декретом от 28.03.1852, равно как и с заключенными Францией дипломатическими соглашениями. Из изложенного следует, что довод ответчиков о возможном применении права Российской империи не заслуживает внимания. – По второму вопросу: Права на произведения, обнародованные после смерти автора, урегулированы декретом от 1 жерминаля XIII г. и законом от 24.07.1793. Первый документ устанавливает, что правообладатели в отношении произведений, обнародованных после смерти автора, приобретшие свои права в результате наследования или по иному основанию, имеют те же права, что и сам автор. Закон 1793 г. предоставляет правопреемникам авторов исключительное право продолжительностью 10 лет, начинающихся исчисляться с даты смерти автора. Из изложенного следует, что мать и сестры Шопена имели исключительное право на его произведения в течение всей их жизни, а их правопреемник имеет то же право в течение 10 лет с даты смерти последней из них. Поскольку г-жа Барчиньская, последняя из наследниц Шопена, умерла лишь 03.06.1881, то право ее правопреемника, правопреемником которого является Жерар, прекратится лишь 03.06.1891. – Учитывая изложенное, обжалуемое решение суда отменить; освободить Готрона как управляющего от установленных этим решением предписаний и взысканий; принять новое решение, которым признать Жерара обладателем исключительных прав на произведения Шопена, обнародованные после смерти последнего и права на которые были переданы Мессонье 17.11.1854, вплоть до 03.06.1891; признать возражение, отмененное вышеуказанным решением, обоснованным и действительным».

Введение

Вниманию читателей предлагается анализ решения французского суда (Апелляционного суда Парижа) конца XIX в., которое, помимо интереса для юристов, представляет собой и ценность для широкого круга читателей. Несмотря на частое цитирование в работах видных зарубежных исследователей (Э. Бартен и др.), в отечественный научный оборот данное решение вводится лишь сейчас.

В этом решении рассматривается спор об интеллектуальном наследии одного из величайших мировых композиторов Ф. Шопена.

Его наследницы (мать, а впоследствии – сестра) уступили исключительные права на произведения французскому издателю, который пытался запретить ввоз во Францию контрафактных изданий, изготовленных немецкими конкурентами. Суду необходимо было определить срок действия исключительных прав на произведения.

Обстоятельства дела следующие.

Ф. Шопен, войдя в историю как основоположник польской национальной композиторской школы, с правовой точки зрения был подданным Российской империи, так как Царство Польское, где он родился и первоначально проживал, входило в ее состав. Последние годы жизни Шопен проживал во Франции, не желая возвращаться на родину вследствие подавления царским правительством польского восстания 1830 г. После смерти Шопена 17 октября 1849 г. его единственной наследницей стала его мать, Юстина Кшижановска, скончавшаяся 1 октября 1861 г. Старшая сестра Шопена Людвика Енджеевич умерла еще до смерти матери 29 октября 1855 г. Младшая – Изабелла Барчиньская наследовала своей матери и дожила до 3 июня 1881 г.

Еще при жизни матери и сестер Шопена исключительные имущественные авторские права на ряд его произведений, на тот момент еще не обнародованных, были уступлены ими по договору некоему Фонтана. 17 ноября 1854 г. Фонтана уступает эти права в пользу Мессонье (с установлением их территориального действия во Франции и Бельгии), а от Мессонье эти права переходят к Жерару в составе приобретенного им коммерческого предприятия (издательского дела) Мессонье. Жерар выступил истцом при рассмотрении настоящего дела в первой инстанции, а после его смерти в процессе рассмотрения дела права перейдут к универсальному легатарю (наследнику по завещанию) Прадо и будут защищаться в апелляционной инстанции доверительным управляющим наследством Жерара Готроном.

Произведения были обнародованы во Франции. В 1882 г. немецкие издатели, отпечатав нотный текст произведений, вознамерились ввезти их для продажи во Францию. Ссылаясь на свои исключительные права, Жерар потребовал в суде первой инстанции Парижа запрета на этот ввоз. Решением суда ему было отказано. Апелляционную жалобу подал доверительный управляющий наследством Жерара, так как к этому моменту Жерар уже умер. Апелляционная жалоба была удовлетворена, немецким издателям

был запрещен ввоз репродукций произведений на территорию Франции.

Основной вопрос, который нужно было решить судам, – не истек ли срок охраны исключительных прав на произведения. Ответ на этот материально-правовой вопрос (I) был искусственно поставлен судом в зависимость от решения коллизионного вопроса, право какой страны подлежало применению: Франции, где были обнародованы произведения, или Российской империи, подданным которой был автор (II).

I. Материальное право Российской империи и Франции о сроке охраны исключительных прав

Как в Российской империи (1), так и во Франции (2) в XIX в. уже существовало законодательство, устанавливающее охрану авторских прав. Более того, эта охрана была предусмотрена на международном уровне (3).

1. Право Российской империи об охране исключительных прав

Прежде чем рассмотреть материально-правовые нормы Российской империи XIX в. об охране авторских прав (b), необходимо упомянуть о множественности правовых систем в Российской империи в связи с автономией Царства Польского (a).

A. Множественность правовых систем в Российской империи в связи с автономией Царства Польского

В комментируемом решении суда возможность применения права Российской империи обсуждается в связи с тем, что оно являлось личным статутом Шопена – российского подданного.

Однако нельзя упускать из виду, что в том числе в связи с автономией Царства Польского, основой которой являлась Польская конституция 1815 г., в Российской империи появился феномен, ныне именуемый множественностью правовых систем в сфере частного права (ст. 1188 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Еще до присоединения польских территорий к Российской империи по результатам Венского конгресса 1814–1815 гг. в большей части Герцогства Варшавского (бывших прусских и австрийских территориях) в 1808–1810 гг. был введен в действие Французский гражданский кодекс.

После присоединения этих территорий к Российской империи были инициированы законопроектные работы, завершившиеся принятием и введением в действие в Царстве Польском с 1825 г. Гражданского уложения Царства Польского, которое, однако, представляло собой переработку первой книги все того же Французского гражданского кодекса [Губе 1877:11-204]. Книги вторая и третья Французского гражданского кодекса в своем оригинальном варианте продолжали действовать и после этой кодификации.

Таким образом, в Царстве Польском существовало собственное гражданское право, отличное от права иных территорий Российской Империи (схожая ситуация с автономией частного права существовала в Великом Княжестве Финляндском).

В связи с этим достаточно быстро возник вопрос о коллизиях между правом Царства Польского и правом иных российских провинций, который в настоящее время именуется в ст. 1188 ГК РФ коллизиями в праве с множественностью правовых систем. В доктрине Российской империи этот феномен именовался междуобластным частным правом [Рейнке 1909:14, 17]. Кодифицированных правил для разрешения этих коллизий не было. Первое точное правило разрешения такой коллизии датируется 28 марта 1835 г., когда было принято мнение Государственного совета по вопросу, как поступать взаимно в Империи и Царстве Польском в случае установления опеки по причине «сумашествия» [Рейнке 1909:14]. Важнейшие правила разрешения межпровинциальных коллизий с правом Царства Польского были закреплены во мнении Государственного совета от 5 июля 1844 г., согласно которому наследование движимого имущества подчинялось личному закону наследодателя, а недвижимого – закону места нахождения вещи [Рейнке 1909:17], и во мнении Государственного совета от 12 января 1838 г., воспроизведенном во мнении от 11 июля 1852 г., согласно которому в межпровинциальных коллизиях обязательства подчиняются закону места возникновения: на коллизии с правом Царства Польского это мнение по умолчанию не распространялось, но решением Правительствующего Сената 1894 г. оно было применено к этим коллизиям по аналогии [Рейнке 1909:116-117]. В остальном к межпровинциальным коллизиям с правом Царства Польского применялись по аналогии нормы международного частного права и, прежде всего, ст. 3 Гражданского уложения Царства Польского

[Рейнке 1909:20], представляющая собой знаменитую ст. 3 Французского гражданского кодекса (распространяющую важнейшие императивные нормы – *les lois de police et de sûreté* – на всех лиц, проживающих на территории Франции, и предусматривающую французский вещный статут для всякой недвижимости на территории Франции и французский личный статут для французских граждан, где бы они ни находились).

Вместе с тем право разрешения межпровинциальных коллизий с правом Царства Польского изложены здесь только для полноты картины, поскольку в области охраны исключительных прав в Царстве Польском отсутствовало самостоятельное законодательство, а, следовательно, и коллизии: этот вопрос регулировался во всей Российской империи единым законодательством. Разрешение коллизий произошло в данном случае обычно применимым путем, а именно собственным правом государства с множественностью систем [Маковский 2014:405-406].

В. Материальное право Российской империи о сроке охраны исключительных прав

Первым актом, закрепляющим срок охраны исключительных прав авторов в Российской империи, являлся Третий Цензурный устав, утвержденный 22 апреля 1828 г., § 137 которого устанавливал срок авторского права 25 лет со дня смерти автора. Положением о правах сочинителей, переводчиков и издателей, утвержденным мнением Государственного совета от 8 января 1830 г., срок охраны произведения был продлен до 35 лет с момента смерти автора [Бирюков 2022:109].

Постановлением «Об ограждении прав русских и пребывающих в России сочинителей музыкальных произведений», утвержденным мнением Государственного совета от 09.01.1845, сроки охраны исключительных прав, утвержденные Положением 1830 г. для сочинителей, переводчиков и издателей книг, были распространены на авторов музыкальных произведений и их правопреемников [Тютрюмов 2004:1185].

Наконец, мнением Государственного совета от 15 апреля 1857 г. «О продолжении срока литературной и художественной собственности» срок охраны прав на произведения был продлен до 50 лет со дня смерти автора, причем это касалось сроков, не истекших на дату введения в действие данного акта [Тютрюмов 2004:1185]. Этот пятидесятилетний срок был подтвержден

в дальнейшем изменениями, внесенными в Цензурный устав в 1875 г. [Сергеев 1996:38] и применимыми впоследствии в качестве приложения к примечанию 2 к ст. 420 Раздела II (том X части I) Свода законов Российской Империи.

Таким образом, по российскому законодательству срок охраны прав на произведения Шопена, умершего 17 октября 1849 г., истек 16 октября 1899 г., и этот срок не истек в момент возникновения и рассмотрения требований Жерара во французском суде в 1888 г.

2. Право Франции в XIX в. об охране исключительных прав

Во Франции срок действия исключительного права устанавливался ст. 1 и 2 Закона от 19 июля 1793 г. «Об авторских правах на литературные и художественные произведения» и, как указывает суд в комментируемом решении, этот срок составлял 10 лет с даты смерти автора, т.е. в данном случае этот срок истек 11 октября 1859 г.

Однако, пользуясь правом толкования своего законодательства, апелляционный суд Парижа фактически реанимировал охрану исключительных прав на произведения Шопена. Прочитав текст статей Закона (ст. 1: «Авторы... пользуются в течение всего срока своей жизни исключительным правом...» и ст. 2: «Их наследники или правопреемники по иному основанию пользуются тем же правом на протяжении десяти лет после смерти автора»), суд истолковал их в высшей степени произвольно. Указание в ст. 2 о том, что наследники и цессионарии наделяются «тем же правом» (т.е. исключительным), суд истолковал как право той же продолжительности, что и у первичного правообладателя (автора).

Срок действия исключительного права в результате был им исчислен следующим образом. После смерти Шопена исключительное право действовало, по мнению суда, в течение всего срока жизни наследниц (причем, как мы помним, прямой наследницей Шопена была его мать, а сестра Шопена Изабелла Барчиньская выступала уже наследницей матери, а не самого Шопена), а также в течение 10 лет после смерти последней из них: Изабеллы Барчиньской (3 июня 1881 г.), т.е. до 3 июня 1891 г.

Буквальный текст закона не давал к такому толкованию ни малейших оснований. Десятилетний срок действия права *post mortem auctoris* в ст. 2 недвусмысленно оговаривался.

Кроме того, неясно, по какой причине суд особо выделил для целей продления сроков правообладателей, приобретших права в порядке наследования. Статья 2 Закона никакой дифференциации в этом отношении не предусматривает.

В данном случае, безусловно, следует констатировать факт неправильного применения судом французского права. Очевидно, это произошло с целью воспрепятствовать переходу произведений Шопена в общественное достояние. Как представляется, суд (также как и при решении вопроса о факте предоставления охраны) пошел по пути фактической разработки индивидуального режима для творений великого романтика.

Обращает на себя внимание то, что дальнейшая эволюция французского права, иллюстрирующая склонность к предоставлению индивидуальных льгот, показала, что суд действовал в ее русле. Можно в качестве примера сослаться на произошедшее после Второй мировой войны значительное (на 30 лет!) продление сроков по утверждаемому правительством списку «умер за Францию» [Dusollier 2019:455].

Кроме того (вопрос касается не только Франции – ст. L.123-4 Кодекса интеллектуальной собственности; это случай и отечественного регулирования – ст. 1337 и последующих Гражданского кодекса Российской Федерации), в ныне действующем праве прием санации, оживления находящихся в общественном достоянии произведений, стал основой для разработки статуса публикатора – нетворческого обладателя исключительных прав [Каминская, Щербаков 2024:125].

Было еще одно обстоятельство, которое могло бы послужить для суда дополнительным аргументом для того, чтобы произвести столь произвольные расчеты, не основанные на буквальном прочтении положений закона. В соответствии с Законом от 19 июля 1793 г. срок исключительных прав на спорные произведения должен был истечь 11 октября 1859 г. А всего лишь семь лет спустя был принят Закон от 14–19 июля 1866 г., значительно увеличивший продолжительность срока действия исключительного права (с 10 до 50 лет *post mortem*), – и это притом что долгое время во Франции преобладала концепция *domaine public* (общественного достояния).

Итак, по закону 1866 г. действие прав на произведения Шопена продлилось бы до 1899 г. Можно предполагать интуитивное принятие судом во внимание тенденции права к повышению

сроков охраны исключительных авторских прав, в связи с чем и было сделано исключение в пользу великого представителя, как суд сам признал, французской культуры, и Закону 1866 г. фактически была придана обратная сила. На деле, впрочем, эта льгота – лишь внешняя дань уважения умершему автору. Воспользовался подобной льготой в конечном счете даже не родственник Шопена, а не кто иной, как издатель.

3. Международные договоры об охране объектов интеллектуальной собственности

Нельзя упускать из виду наличие международно-договорного регулирования рассматриваемых отношений. С 1861 по 1887 г. в отношениях между Российской империей и Францией действовала двусторонняя Конвенция о литературной и художественной собственности, устанавливающая взаимную охрану произведений, созданных авторами из данных стран. Для получения охраны в другой Договаривающейся стороне требовалось соблюдение формальностей: в Российской империи для этой цели цензурным ведомством выдавались свидетельства, а для художественных работ – свидетельство Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге (если художественное произведение было создано в Царстве Польском, то свидетельство получалось в Школе изящных искусств в Варшаве). Во Франции доказательством авторства были свидетельства, выдаваемые отделением книжной торговли при Министерстве внутренних дел в Париже или же в Секретариате префектуры в департаментах. Срок охраны авторских прав российских подданных во Франции и французских граждан в России устанавливался в течение всей жизни автора и еще 20 лет после смерти для прямых наследников и 10 для наследников по боковой линии родства. В данном случае, если исходить из даты смерти матери Шопена как его прямой наследницы – 1 октября 1861 г., то срок охраны истек 1 октября 1881 г., т.е. на момент возникновения и рассмотрения спора произведения охраной в соответствии с этой Конвенцией не пользовались.

Имея в своем распоряжении бесспорный аргумент для обоснования отказа в требовании истца – переход спорных произведений в общественное достояние на основании нормы международного договора, суд первой инстанции

этим не воспользовался, предпочтя сослаться на недоказанность наличия у истца исключительных прав. Но если в данном случае речь идет лишь об использовании более слабого аргумента, то Апелляционный суд, также проигнорировав Конвенцию и обратившись к положениям о сроках, которые установленным национальным законодательством, нарушил принцип приоритета действия международных договоров.

Упорное нежелание сослаться на двустороннее соглашение с Российской империей может найти политическое объяснение. В результате жестокого подавления Александром I польского национально-освободительного восстания 1830 г., на территории Царства Польского был установлен военно-полицейский режим. Официальная позиция Франции в отношении русско-польского военного конфликта не вызывала сомнений: был создан Комитет по оказанию помощи восставшим полякам, а в ходе прений во Французской палате депутатов высказывались даже призывы к вооруженному вмешательству в этот конфликт.

В контексте потенциальной базы для регулирования следует упомянуть о знаменитой Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г., вступившей в силу 4 декабря 1887 г. (далее – Бернская конвенция), однако упомянуть только для полноты картины о действовавшем тогда законодательном пейзаже. К данному спору она не была применима, поскольку отношения, породившие спор, возникли ранее даты вступления ее в силу для Франции (в суд первой инстанции заявитель обратился в 1882 г.), а Российская империя в число ее первоначальных участников (Франция, Бельгия, Германия, Испания, Великобритания, Тунис и Швейцария) вообще не входила.

Итак, дилемма, стоявшая перед французским судом, была такова: либо применение неизвестного ему российского права, которое объективно предоставляло правопреемнику Шопена срок охраны, еще не истекший на дату рассмотрения спора, либо применение хорошо знакомого французского права, срок охраны по которому при буквальном толковании норм истек, однако в силу достаточно широкого усмотрения суда при толковании мог быть достигнут и противоположный вывод. Разрешить эту дилемму предстояло с помощью коллизионного права.

II. Коллизионное право для целей определения права, применимого к сроку охраны исключительных прав

Коллизионный вопрос в данном деле, по сути, не возникал. Он был поставлен судом фактически лишь на основании заявления ответчика о том, что в данном деле в качестве *lex causae* должен быть применен личный статут автора.

Проблема, собственно, разрешалась в рамках решения вопроса о применимости либо неприменимости национального режима, т.е. носила исключительно материально-правовой характер. Другой вопрос, что объем охраны, предоставляемой на основании национального режима (провозглашенного ст. 11 Французского гражданского кодекса), на деле оказывался весьма беден [Nimmer, Geller 1988]. (Заметим, что в дальнейшем сфера его еще более сузилась за счет введения в 1964 г. требования взаимности при его применении [Дюма 1993:322-323].) Мы сейчас говорим лишь о том, что «выход» суда на применение собственного права произошел в данном деле не прямым путем, а через коллизионный критерий *lex voluntatis* (который должен был применяться субсидиарно).

В условиях того обстоятельства, что во Франции при лаконичной ст. 3 Гражданского кодекса, устанавливающей лишь три коллизионных нормы, коллизионное право фактически развивалось посредством судебной практики [Ancel, Lequette 2006:V], что в особенности касается трансграничного права интеллектуальной собственности [Vivant, Bruguière 2025:107], в отсутствие прямого законодательного положения, применимого в данном деле, суду необходимо было сформулировать самому ту коллизионную норму, которая применима в данном деле.

Как в национальном авторском праве, так и в международных соглашениях (в первую очередь в Бернской конвенции) при решении вопроса о факте признания авторско-правовой охраны с давних пор и до сегодняшнего дня всплывают два критерия: территориальный (критерий опубликования) и личный (критерий гражданства автора / иногда его domicilio). Применяются они либо раздельно и независимо друг от друга, либо в какой-либо комбинации.

В частности если говорить о Бернской конвенции, то ранняя (1948) ее редакция в целях определения применимости Конвенции предусматривала критерий первого выпуска произведения в свет, а впоследствии (начиная

со Стокгольмского пересмотра в 1967 г.) стала применяться гораздо более усложненная система критериев, позволяющих значительно расширить сферу действия конвенционных норм. Эти критерии применяются не в коллизионных целях, не в целях определения применимого права, а определяя сферу действия материально-правового конвенционного минимума, а также сферу применения национального режима стран-участниц [Каминская 2024:223].

Конвенция в итоге предусматривает признание имущественных прав авторов - граждан стран - членов Бернского Союза или имеющих там домицилий либо иных авторов в отношении произведений, выпущенных в свет впервые (либо одновременно) в одной из стран - членов Бернского Союза. Охрана произведений, которые не были выпущены в свет, происходит на основании не территориального, а личного критерия: гражданства или domicilio автора. Единичное исключение из совокупного действия личного и территориального критериев установлено для применения к установлению факта охраны произведения права страны его происхождения [Мазуе 1982:45-46].

Сам по себе критерий места опубликования сходен с коллизионным критерием *lex loci actus*, так же как критерий гражданства - соответственно, с коллизионным критерием *lex personalis* в варианте *lex patriae* [Note anonyme 1890:675]. Однако в случае названных территориальных критериев французское право выказывало сходство только внешнее, терминологическое, и не давало оснований отождествлять их друг с другом. Критерий *lex loci actus* используется для решения коллизионного вопроса, т.е. вопроса о применимом праве. Так вопрос судом в рассматриваемом деле не ставился, да просто и не мог быть так поставлен в рассматриваемый исторический период. Авторское право Франции (как, впрочем, и любой другой страны) в то время находилось еще на начальном этапе своего становления и не обладало той степенью концептуальной разработанности и теми практическими качествами, которые были приобретены им позже и которые сейчас позволяют признать его образцовым.

Таким образом, суд, по сути, находился перед фундаментальным противостоянием двух потенциально применимых коллизионных норм: подчинение режима произведения личному статусу автора (1) или французскому праву как закону страны обнародования произведения (2).

1. Личный закон автора

Прежде всего, необходимо уточнить, что в XIX в. личный закон во Франции понимался в первую очередь как закон гражданства, а не как закон места жительства, что нашло отражение в решениях Кассационного суда Франции той эпохи, рассматривающего личный статус иностранного гражданина с точки зрения закона гражданства этого гражданина [Тариканов 2022:190]. Поэтому становится объяснимым, почему суд даже не поставил на обсуждение вопрос, может ли считаться личным статутом Шопена французское право, хотя местом постоянного жительства композитора на протяжении почти 20 лет до его смерти была Франция, на территории которой он пребывал и получал доход от концертной деятельности и где он обосновался в ходе совершения заграничного концертного турне незадолго до Польского восстания 1830 г. После подавления восстания императором Александром I вернуться в Варшаву композитор, горячо разделявший национально-революционный порыв своих соотечественников, уже не пожелал. С Францией были связаны и глубокие личные привязанности Шопена (в частности, к Марии Водзиньской). Он умер и был похоронен в Париже, завещав при этом перевезти и захоронить свое сердце в Варшаве.

Таким образом, личным законом Шопена, как отметил безапелляционно суд, являлось право Российской империи как право подданства композитора.

Удивительным образом применения личного закона автора требовал ответчик, которому, как мы выяснили выше, объективно применение российского права к сроку охран прав на произведения было невыгодно.

Изложенные выше обстоятельства сугубо личного и политического характера имели, как бы странно это ни показалось, прямое отношение к разрешению апелляциям судом правового вопроса об охране произведений. В описанной выше политической обстановке и при сложившемся во Франции отношении ко всему российскому, постановка вопроса о применении к данным отношениям французского права приобрела скорее негативный аспект. Вопрос скорее стоял о недопустимости применения права российского и в поиске аргументов, позволяющих привязать отношения по использованию произведений к праву Франции.

2. Французское право как право, подлежащее применению к охране произведений

Несмотря на то что вывод о факте предоставления французским правом авторско-правовой охраны был сделан апелляционным судом фактически на основании применения территориального критерия места опубликования произведения (а), такой результат – распространение на данные отношения сферы действия французского авторского права – был достигнут непрямым путем и с использованием косвенной аргументации – путем использования критерия автономии воли (b).

А. Французское право как закон опубликования произведения

Сколь странным это бы ни показалось на первый взгляд, больше всего о негативном подходе суда, о его истинном намерении избежать применения российского права говорит тот факт, что наиболее простой аргумент в пользу внешне намеченного результата (применения французского национального режима), аргумент объективный и беспроегрышный, судом как раз не приводился, хотя частое отсутствие истинных мотивов в решении – вещь, подчеркиваемая французскими авторами [Тариканов 2024:89]. Мы имеем в виду локализацию по месту опубликования произведения. Предпринимая действия в направлении распространения французского права на режим произведений Шопена, апелляциям суд обходит тем не менее молчанием один из постулатов, краеугольных камней французского международного частного права [Vivant 2020:193].

Собственно, локализация (как логический вывод о релевантности именно данной национальной правовой системы к регулированию каких-либо отношений, сделанный на основании конкретного фактического состава) [Лунц 2002:215-216] может проводиться по разным основаниям, отнюдь не исключая эмпирически, случайно сложившиеся. Примером в современном праве может служить положение п. 5 ст. 1210 Гражданского кодекса Российской Федерации, ограничивающее выбор применимого права в ситуации, когда конкретный договор через фактические обстоятельства, имеющие для него существенное значение, имеет «реальную связь» с иной правовой системой, чем избранная сторонами [Маковский 2014:535].

На момент рассмотрения спора во французской доктрине совершенно определенно сложилось убеждение о необходимости локализовать авторские отношения по месту опубликования произведения. Это убеждение опиралось на прочное правовое обоснование: доминирующую в то время проприетарную концепцию авторских прав.

В отличие от современного французского права, адепта естественно-правовых ценностей в авторском праве, безусловно отдающего приоритет так называемым моральным (личным неимущественным) авторским правомочиям в системе авторских прав, в рассматриваемый период моральные права были в праве Франции слабо признаваемы, а авторское право классифицировалось как разновидность права собственности. Э. Бартен видел в интеллектуальной собственности сходство по существу (хотя и с некоторыми отличиями) с узурпацией [Бартен 2019:59-61]. Отсюда и аналогия с территориальным критерием *lex rei sitae* [Vareilles Sommières, Laval 2023:938], с той поправкой, что здесь учитывается и воля творческого субъекта: автор сам решает, где более перспективно для себя представить произведение публике.

Терминология, прослеживаемая в тексте комментируемого решения, говорит сама за себя: «продукт французской национальности» (*un produit de la nationalité française*), в смысле относимости к французскому праву (подобно «национальности» юридического лица); «считаются французскими произведениями» (*sont considérées comme oeuvres françaises*), т.е. на них распространяется режим охраны французским авторским правом.

Было бы ошибочным считать проприетарную конструкцию авторского права дефектной. На тот момент она широко применялась в национальном законодательстве (в том числе французском) как некий прием конструктивной экономии. Использовалась она для отражения монопольного характера имущественного авторского права и, надо признать, для своего времени свою задачу выполняла [Крупко 2021:113], [Каминская, Щербаков 2024:124].

Как показало время, авторское право и право интеллектуальной собственности в целом стали все больше отдаляться от вещно-правовой конструкции. Так, в российской доктрине исключительные права определялись А.Л. Маковским как права особые по своей природе, отличные от вещных и обязательственных тем,

что характеризуются монополией (действующей против всех) ограниченного круга правообладателей на использование ограниченного круга объектов [Комментарий ... 2025:139-140].

Признание за автором моральных прав знаменовало собой конец вещно-правовой модели интеллектуальной собственности (что, впрочем, не исключает отдельных случаев обращений к ней в доктрине и в правоприменительной практике) [Суханов 2017:72-73] [Каминская, Щербаков 2024:125].

В. Французское право как статут автономии воли

Апелляционный суд в данном деле не обратил ни к одному из двух продемонстрированных выше начал – краеугольных камней французского авторского права: локализации отношений с иностранным элементом по персональному статусу и локализации их по территориальному критерию – месту опубликования произведения [International Encyclopedia of Comparative Law 1976:F-83]. Преследуя этноцентристские цели, апелляционный суд опирал свои выводы исключительно на субъективные и относящиеся только к индивидуально сложившимся обстоятельствам соображения. Ключевым обоснованием вывода о распространении на произведение Шопена французского позитивного права послужил принцип автономии воли сторон при уступке исключительного права.

Основная претензия к построению апелляционным судом своей аргументации на принципе автономии воли должна носить формально-юридический характер.

С позитивной стороны (т.е. не как обоснование отрицания применимости российского права, а как обоснование распространения на опусы Шопена французского национального режима) судом был применен прием локализации авторского правоотношения по критериям, относящимся к режиму сделки. Произведения были признаны судом подпадающими под охрану французским правом («французскими произведениями») на основании того, что они: (1) были опубликованы на территории Франции (2) французским гражданином, (3) получившим права на это в силу договора об уступке авторских прав, заключенного во Франции и (4) прямо указавшим в качестве применимого к этому договору французского права. Факторами, позволяющими подчинить исключительные авторские права

французскому режиму, с которым тем самым признавалась их «реальная связь», были сочтены обстоятельства, относящиеся к статуту сделки.

Такое решение не вызвало бы возражений, если сфера законодательного регулирования в авторском праве Франции на тот момент предусматривала содержательные положения об охране авторских прав иностранцев. Этого, однако, не было: охранялись (по персональному критерию) права французов (в том числе в отношении произведений, опубликованных за пределами Франции), а иностранцам в отношении произведений на территории Франции предоставлялись лишь отдельные уголовно-правовые, но не гражданско-правовые способы защиты (ст. 1 Декрета от 28 марта 1852 г. «О контрафакции, совершаемой в отношении иностранных произведений») [Note anonyme ... 1890:675]. Иными словами, объем охраны, предоставляемой на основании национального режима (провозглашенного ст. 11 Французского гражданского кодекса), на деле оказывался весьма беден [Nimmer, Geller 1988].

В ситуации значительной пробельности (по сути, фрагментарности) регулирования решение апелляционного суда заполняет этот почти полный вакуум положением об охране исключительных прав по договорным критериям и на договорном основании. Выше мы говорили о вещно-правовой концептуальной основе авторского права – основе, пусть архаичной, но имеющей некоторую правовую аналогию с исключительным правоотношением. В данном случае аналогия полностью отсутствует, и фактически суд проводит юридически неверную квалификацию.

Если принять также во внимание ту фикцию «гипотетической воли» сторон договора, с помощью которой суд обосновывал неприменимость личного статута к авторским отношениям, то и сама автономия воли как принцип в данном деле подверглась деформации. Цивилисты традиционно предостерегают от понимания права как «набора разрозненных правил, содержание которых определено только исходя из потребностей конкретной ситуации и профессионализма (или непрофессионализма) конкретного законодателя» [Маковский 2010:394-395]. В данном же случае возникает ощущение, по крайней мере, недостаточной обоснованности и произвольности решения.

Довод ответчика о необходимости разрешения спора по личному статуту Шопена был отвергнут на основании выстроенной судом

фикции «молчаливого отказа» наследниц от личного статута их сына и брата в силу одного только факта заключения договора об уступке исключительных прав с условием о выборе французского права в качестве применимого к договору.

Этот вывод, не говоря даже о его неоправданной усложненности, с правовой точки зрения чрезвычайно уязвим и справедливо подвергся критике со стороны Э. Бартена. Тот отмечал, что применение французского права к данным отношениям следовало обосновывать не автономией воли сторон (добавим: воли гипотетической), а локализацией отношений по месту опубликования [Бартен 2019:56-66; Darras 2014:437].

Впрочем, суть данного решения может быть истолкована и иначе. Правовой вакуум нуждается в заполнении, и фрагментарное регулирование предпочтительней пробела. Предоставление отдельных разрозненных правомочий и любых, пусть недостаточно компенсаторных, способов защиты, применение паллиативных правовых схем, – все это можно рассматривать как отдельные шаги в направлении создания разработанной системы защиты. Вспомним, что французская судебная практика исторически выполняла нормотворческие функции в отношении неурегулированных или недостаточно урегулированных сфер отношений: деликтных, преддоговорных и т.д. [Bouche 2017:25].

А в качестве примера того, какими путями распространяет сферу национального режима на отношения с участием иностранных авторов современное российское право, приведем положения подп. 1 и 2 п. 1 ст. 1256 Гражданского кодекса Российской Федерации. Для предоставления охраны и признания исключительных прав требуется лишь одно: чтобы в отношениях присутствовал хотя бы один «российский элемент» – российское гражданство либо domicilio автора, нахождение произведения (даже необнародованного) в объективной форме на территории Российской Федерации [Каминская, Штодина, Штодина 2024:69].

Выводы

Стремление подвести конкретные отношения, хотя бы и осложненные иностранным элементом, под национальное регулирование являет собой случай хотя и не рядовой, но все же составляющий не самую большую редкость в международном частном праве.

Этноцентристская тенденция как демонстративно прагматичный подход к регулированию реализуется нагляднее всего законодательным путем. Наиболее яркими примерами тому могут служить односторонние коллизионные нормы; оговорка о публичном порядке, сверхимперативные нормы и все прочие виды *escape clauses* – законодательных ограничений применения *lex extranea*; проведение квалификации коллизионных норм *lege fori*.

Экспансия *lex fori* может проявиться и иначе. В ситуациях, не охваченных законодательным регулированием, она порой находит место в правоприменительной практике.

В первом из приведенных случаев в законе специально очерчиваются определенные, объективно выверенные сферы особого государственного интереса (в частности, распространение его действия на режим особо ценных и невозобновляемых объектов – земельных участков). Во втором же случае речь уже не просто о специальных нормах. Экспансия *lex fori* проявляется эмпирически, в виде, если можно так выразиться, всплесков суверенного самосознания правоприменителя.

Один из подобных казусов с нашим комментарием был предложен вниманию читателей. Как представляется, он может вызвать одновременно и живой интерес, и критическую реакцию специалистов в международном частном праве и в праве интеллектуальной собственности. Аргументация Апелляционного суда Парижа при вынесении данного решения в конце XIX в., увиденная с позиции современного права, при всей своей несомненной конъюнктурности (доходящей до судейского произвола), в чем-то неожиданно демонстрирует и прогрессивность. Она фактически предвосхитила (или все же уловила?) некоторые пути развития права в будущем.

В любом случае при аргументации своих выводов Апелляционный суд Парижа столь неожиданно широко использовал ссылки на факты и обстоятельства сугубо субъективного характера, что это не может не обратить на себя внимание специалистов. История данного дела демонстрирует попытку создания схемы регулирования, очень близко подходящей к индивидуализированной (что в целом позитивному праву не свойственно).

Список литературы

1. Бартен Э.-А. 2019. *Основы международного частного права согласно французскому закону и судебной практике*. Т. 3. Москва: Статут.
2. Мазуе К. 1982. *Комментарий к Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений*. Москва: Прогресс.
3. Бирюков М.Б. 2022. История авторского права в России. – *Молодой ученый*. Т. 440. № 45. С. 108-112.
4. Губе К. 1877. *Гражданские законы губерний Царства Польского*. Варшава.
5. Дюма Р. 1993. *Литературная и художественная собственность. Авторское право Франции*. 2-е изд. Пер. с фр. Москва: Международные отношения.
6. Каминская Е.И. 2024. Определение обладателя первичных авторских прав по российскому международному частному праву. – *Международные экономические отношения: публично-правовое и частноправовое регулирование: сборник статей в честь 100-летия со дня рождения М. М. Богуславского*. Отв. ред. С.И. Крупко. Москва: Норма.
7. Каминская Е.И., Штодина И.Ю., Штодина Д.Д. 2024. Охрана авторских прав: космополитизм международного частного права РФ на фоне коллапса международного права. – *Труды по интеллектуальной собственности*. Т. 48. № 1. С. 62-73.
8. Каминская Е.И., Щербачев А.А. 2024. Еще раз о правах интеллектуальных и вещных. Так ли непреодолима разделяющая их грань? – *Труды по интеллектуальной собственности*. Т. 51. № 4. С. 123-132.
9. *Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный)*. В 2-х т. Т. 1. 2025. Отв. ред. Е.А. Павлова. 2-е изд. Москва: Статут.
10. Крупко С.И. 2021. Проприетарный аспект исключительных прав как нормообразующий фактор в сфере коллизионного регулирования интеллектуальной собственности. – *Государство и право*. № 8. С. 110-119.
11. Лунц Л.А. 2002. *Курс международного частного права*. В 3-х т. (по изданию 1-го тома 1973 г., том 3 в соавторстве с Н.И. Марышевой). Москва: Спарк.
12. Маковский А.Л. 2010. *О кодификации гражданского права (1922–2006)*. Москва: Статут.
13. Маковский А.Л. 2014. Комментарий к статье 1188 Гражданского кодекса Российской Федерации. – *Марышева Н.И., Ярошенко К.Б. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части третьей (постатейный)*. 4-е изд. Москва: Юридическая фирма «Контракт».
14. Рейнке Н.М. 1909. *Очерк русско-польского междуобластного частного права*. Санкт-Петербург: Сенатская типография.
15. Сергеев А.П. 1996. *Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации*. Москва: Теис.
16. Суханов Е.А. 2017. *Вещное право: научно-познавательный очерк*. Москва: Статут.
17. Тариканов Д.В. 2022. Иностранцы судебные решения о личном статусе во французском правопорядке. – *Закон*. № 11. С. 188-197.
18. Тариканов Д.В. 2024. Взаимосвязь квалификации и публичного порядка в международном частном праве. – *Журнал российского права*. Т. 28. № 3. С. 80-92.

19. Тютрюмов И.М. 2004. *Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов*. Сост. И.М. Тютрюмов. Книга третья. Москва: Статут.
20. Ancel B., Lequette Y. 2006. *Les grands arrêts de la jurisprudence française de droit international privé*. 5ème éd. Paris: Dalloz.
21. Bouche N. 2017. *Intellectual Property Law in France*. 3d ed. The Hague: Kluwer Law International BV.
22. Darras A. 2014. *Du droit des auteurs and des artistes dans les rapports internationaux*. Primary Source Edition, BiblioLife.
23. Dusollier S. 2019. International Fragmentation of Copyright Duration: The Only Place Where the Little Prince and Anne Frank Grow Old. – *Pluralism or Universalism in International Copyright Law*. Information Law Series. Ed. by T.E. Synodinou. Vol. 43. The Hague: Kluwer Law International BV.
24. *International Encyclopedia of Comparative Law*. Vol. 1: National Reports. 1976. Tübingen: Mohr Siebeck; The Hague: Monton; Paris.
25. Nimmer M.B., Geller P.E. 1988. *International Copyright Law and Practice*. Vol. 1-2. New York: Matthew Bender.
26. Note anonyme sous Cour d'appel de Paris du 22 novembre 1888. 1890. – *Journal de droit international (Clunet)*. P. 675.
27. Vareilles Sommières de P., Laval S. 2023. *Droit international privé*. 11ème éd. Paris: Dalloz.
28. Vivant M. 2020. *Les grands arrêts de la propriété intellectuelle*. 3ème éd. Paris: Dalloz.
29. Vivant M., Bruguière J.-M. 2025. *Droit d'auteur et droits voisins*. 5ème éd. Paris: Dalloz.
30. *honor of professor, doctor in law, doctor honoris causa Mark M. Boguslavsky*. Ed. by S.I. Krupko. Moscow: Norma. 2024. (In Russ.)
7. Kaminskaya E.I., Shtodina I.Ju., Shtodina D.D. Ohrana avtorskih prav: kosmopolitizm mezhdunarodnogo chastnogo prava RF na fone kollapsa mezhdunarodnogo prava [Copyright protection: the cosmopolitanism of private international law in the Russian Federation against the background of the collapse of international law (Russian law and practice taken in international context)]. – *Trudy po intellektual'noj sobstvennosti [Works on intellectual property]*. 2024. Vol. 48. № 1. P. 62-73. (In Russ.)
8. Kaminskaya E.I., Shcherbakov A.A. Eshchio raz o pravah intellektual'nyh i veshchnyh. Tak li nepredolima razdeljajushchaja ih gran'? [Once again about intellectual and property rights. Is the line separating them so insurmountable?] – *Trudy po intellektual'noj sobstvennosti [Works on intellectual property]*. 2024. Vol. 51. № 4. P. 123-132. (In Russ.)
9. *Kommentarij k chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federatzii (postatejnyj) [Commentary to Part Four of the Civil Code of the Russian Federation (itemized)]*. Ed. by E.A. Pavlova. In 2 vol. Vol. 1. 2nd ed. Moscow: Statut. 2025. (In Russ.)
10. Krupko S.I. Proprietarnyj aspekt iskljuchitel'nyh prav kak normoobrazujushchij faktor v sfere kollizionnogo regulirovanija intellektual'noj sobstvennosti [Proprietary aspect of exclusive rights as norm-forming factor in the field of conflict-of-laws governing of intellectual property]. – *Gosudarstvo i pravo [State and law]*. 2021. № 8. P. 110-119. (In Russ.)
11. Luntz L.A. *Kurs mezhdunarodnogo chastnogo prava [Course of international private law]*. In 3 vol. (after edition of vol.1 in 1973 r., vol. 3 in co-authorship with N.I. Marysheva). Moscow: Spark. 2002. (In Russ.)
12. Makovskiy A.L. *O kodifikacii grazhdanskogo prava (1922–2006) [On the codification of Russian private law (1922–2006)]*. Moscow: Statut. 2010. (In Russ.)
13. Makovskiy A.L. Kommentarij k statje 1188 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federatzii (postatejnyj) [Commentary to Art.1188 of the Civil Code of the Russian Federation (itemized)]. – Marysheva N.I., Jaroshenko K.B. *Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii chasti tret'ej (postatejnyj) [Commentary on Part Three of the Civil Code of the Russian Federation (by Article)]*. 4th ed. Moscow: Juridicheskaja firma «Kontrakt». 2014. (In Russ.)
14. Rejnke N.M. *Ocherk rusско-pol'skogo mezhdublastnogo chastnogo prava [Study of Russian and Polish interregional private law]*. Saint Petersburg: Senatskaya tipografija. 1909. (In Russ.)
15. Sergeev A.P. *Pravo intellektual'noj sobstvennosti v Rossijskoj Federatzii [Intellectual property right in Russian Federation]*. Moscow: Teis. 1996. (In Russ.)
16. Suchanov E.A. *Veshchnoe pravo: nauchno-poznavatelnyj ocherk [Right of property: a scientific and cognitive study]*. Moscow: Statut. 2017.
17. Tarikanov D.V. Inostrannye sudebnye reshenija o lichnom statuse vo frantsuzskom pravoporjadke [Foreign legal decisions on personal statute under French jurisdiction]. – *Zakon [Legislation]*. 2022. № 11. P. 188-197. (In Russ.)
18. Tarikanov D.V. Vzaimosvjaz' kvalifikacii i publicnogo porjadka v mezhdunarodnom chastnom prave [Interrelations between characterization and public order

References

1. Barten E.-A. *Osnovy mezhdunarodnogo chastnogo prava soglasno frantsuzskomu zakonu i sudebnoj praktike [Principles of international private law according to French legislation and jurisprudence]*. Vol. 3. Moscow: Statut. 2019. (In Russ.)
2. Mazuje K. *Kommentarij k Bernskoj konventsii ob ohrane literaturnyh i hudozhestvennyh proizvedenij [Commentary to Berne Convention on protection of literary and artistic works]*. Moscow: Progress. 1982. (In Russ.)
3. Birjukov M.B. Istorija avtorskogo prava v Rossii [History of copyright in Russia]. – *Molodoj uchenyj [Young scientist]*. 2022. Vol. 440. № 45. P. 108-112. (In Russ.)
4. Gube K. *Grazhdanskije zakony gubernij Tzarstva Pol'skogo [Civil Laws of the provinces of the Kingdom of Poland]*. Warsaw. 1877. (In Russ.)
5. Djuma R. *Literaturnaja i hudozhestvennaja sobstvennost'. Avtorskoje pravo Frantzii [Literary and artistic property. Copyright in France]*. 2nd ed. Translated from French. Moscow: Mezhdunarodnyje otnoshenija. 1993. (In Russ.)
6. Kaminskaya E.I. Opredelenije obladatelja pervichnyh avtorskih prav po rossijskomu mezhdunarodnomu chastnomu pravu [Determination of the author as primary copyright holder under Russian private international law]. – *Mezhdunarodnye ekonomicheskie otnoshenija: publichno-pravovoe i chastno-pravovoe regulirovanie: sbornik statej v chest' 100-letija so dnia rozhdenija M.M.Boguslavskogo [International economic relations: public law and private law regulation. Liber amicorum in*

- in international private law]. – *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian law]*. 2024. Vol. 28. № 3. P. 80-92. (In Russ.)
19. Tjutrumov I.M. *Zakony grazhdanskije s paz'jasnenijami Pravitel'stvujushchego Senata i kommentarijami russkih juristov. Sostavil I.M. Tjutrumov [Civil statutes as clarified by the Governing Senate and commented by Russian lawyers. Compiled by I.M. Tjutrumov]*. Book three. Moscow: Statut. 2004. (In Russ.)
 20. Ancel B., Lequette Y. *Les grands arrêts de la jurisprudence française de droit international privé*. 5ème éd. Paris: Dalloz. 2006.
 21. Bouche N. *Intellectual Property Law in France*. 3d ed. The Hague: Kluwer Law International BV. 2017.
 22. Darras A. *Du droit des auteurs and des artistes dans les rapports internationaux*. Primary Source Edition, Bibliolife. 2014.
 23. Dusollier S. International Fragmentation of Copyright Duration: The Only Place Where the Little Prince and Anne Frank Grow Old. – *Pluralism or Universalism in International Copyright Law*. Rd. by T.E. Synodinou. Information Law Series. Vol. 43. The Hague: Kluwer Law International BV. 2019.
 24. *International Encyclopedia of Comparative Law*. Vol. 1: National Reports. Tübingen: Mohr Siebeck; The Hague: Monton; Paris. 1976.
 25. Nimmer M.B., Geller P.E. *International Copyright Law and Practice*. Vol. 1-2. New York: Matthew Bender. 1988.
 26. Note anonyme sous Cour d'appel de Paris du 22 novembre 1888. – *Journal de droit international (Clunet)*. 1890. P. 675.
 27. Vareilles Sommières de P., Laval S. *Droit international privé*. 11ème éd. Paris: Dalloz. 2023.
 28. Vivant M. *Les grands arrêts de la propriété intellectuelle*. 3ème éd. Paris: Dalloz. 2020.
 29. Vivant M., Bruguière J.-M. *Droit d'auteur et droits voisins*. 5ème éd. Paris: Dalloz. 2025.

Информация об авторах

Елена Ивановна КАМИНСКАЯ

Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

e.i.kaminskaya@mail.ru
ORCID 0000-0002-5856-4832

Дмитрий Викторович ТАРИКАНОВ

Доктор юридических наук, профессор кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

d.tarikanov@gmail.com
ORCID 0000-0002-2796-8674

Ирина Юльевна ШТОДИНА

Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России

Вернадского пр-т, 76, Москва, 119454, Российская Федерация

llc48@mail.ru
ORCID 0000-0003-0522-5324

About the Authors

Elena I. KAMINSKAYA

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of Sergey Lebedev Department of Private International and Civil Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

e.i.kaminskaya@mail.ru
ORCID 0000-0002-5856-4832

Dmitry V. TARIKANOV

Doctor of Juridical Sciences, Professor of Sergey Lebedev Department of Private International and Civil Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

d.tarikanov@gmail.com
ORCID 0000-0002-2796-8674

Irina Yu. SHTODINA

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Department of International Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russian Federation, 119454

llc48@mail.ru
ORCID 0000-0003-0522-5324